

КАРМЕН ЛУНА

БАБА ЯГА
для
КОЩЕЯ

Кармен Луна

Баба-Яга для Кощея

<https://litres.ru/74430843>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что может произойти, если ты по глупости выбрала не ту вакансию? Да еще и подписала договор с нечистой силой? А если у тебя отняли твою жизнь, а взамен дают новую с сомнительным содержанием, отправляя за тридевять земель, угрожают каким-то Кощеем? Правильно, изо всех сил попытаться обломать все планы, насолить Костлявому Величеству, обдурить кота и вернуться домой. Желательно со своим лицом и желательно с целым сердцем. Ведь Кощей еще тот гад.

Содержание

Аннотация	5
Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	27
Глава 4	36
Глава 5	43
Глава 6	52
Глава 7	66
Глава 8	76
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Кармен Луна

Баба-Яга для Кощея

Баба Яга для Кощея

Кармен Луна

Аннотация

Что может произойти, если ты по глупости выбрала не ту вакансию? Да еще и подписала договор с нечистой силой? А если у тебя отняли твою жизнь, а взамен дают новую с сомнительным содержанием, отправляя за тридевять земель, угрожают каким-то Кощеем? Правильно, из всех сил попытаться обломать все планы, насолить Костлявому Величеству, обдурить кота и вернуться домой. Желательно со своим лицом и желательно с целым сердцем. Ведь Кощей еще тот... гад.

Глава 1

Меня зовут Любава. Живу с родителями. Работаю в агентстве бабушкой по вызову. Да-да, не девушкой, а бабушкой. Удовлетворяю грязные потребности поржать, поиздеваться, пошвыряться помидорами, пообзывать и под конец выгнать со свистом. За деньги. Весьма маленькие, я бы сказала. Хватает на... Ни черта не хватает. Взрослые улюлюкают, дети тыкают пальцем. Популярность прет со всех мест, но никто не завидует. Мне недавно стукнуло двадцать, и я Баба Яга. Не об этом мечтают девушки моего возраста, но оказалось, что это максимум, на что я способна. Чем и зарабатываю на жизнь. Ничего другого не умею, потому что хотела быть актрисой. Так и знайте — мечтать не вредно, вредно воплощать мечты в жизнь: они могут воплотиться в какую-то... субстанцию коричневого цвета. Особенно если внешность не модельная от слова «сафсем». И ноги не как у Кэмпбелл, и попа не как у Ким. А как у двух Ким. Только грудь, как у Семенович. И нос «пимпочкой». Мама убеждала меня, что пимпочке и пятому размеру завидует каждая собака и вообще мне пора замуж. Потому что она в моём возрасте уже была замужем за папой, растила меня и ждала сестру. И я сразу согласилась, что пимпочка — это прелестно и бюст — это достояние нации. Только мужем не угрожайте. Я еще маленькая.

Пока училась в театральном, работала Ягой и мечтала о головокружительной карьере, мне вдруг исполнилось двадцать. И пора бы вылететь из гнезда, но я вдруг поняла, что летать не умею. Даже на метле. Избы своей нет — живу у родителей, ступы нет — езжу на метро, Иваном дураком и близко не пахнет, и даже нет кота, потому что у мамы аллергия на всех. Даже на папу. Но его она уже давно решила оставить, от него польза в хозяйстве, правда, иногда грозит выгнать на улицу. Я клятвенно каждый раз обещаю ему, если что, подобрать и даже кормить. Яичницей. Готовить не умею. Да и зачем, если бабушки с обеих сторон постоянно соревновались между собой, как бы раскормить Любочку «на убой».

«Я дитиночке картопельку с салцем передала и вареников», «А я рыбные котлетки и пирог с грибами». Какой муж? Кто ему будет готовить? А самое главное — кто будет готовить мне?

— Люба! Тебе уже двадцать, слышишь? Двадцатаааать!
— Мама всплеснула руками, будто я успела забыть собственный возраст.

— Не может быть! Вчера только было десять! — отозвалась я с притворным изумлением.

Я стащила с полки киндер-сюрприз. Мама тут же отобрала шоколад.

— Ты на диете! И это Родьки, а не твое! — положила обратно на полку. — Люб, а давай я тебя с кем-то познакомлю.

— Упаси Боже! — Я отшатнулась от неё с шоколадкой в

руке.

С её-то вкусом! Ей же Коля Басков нравится и Киркоров с Михайловым.

— Давай зарегистрируемся на сайте знакомств. У тебя до сих пор не было парня! — не сдавалась мама, сердито поджав губы.

Ну да, у всех есть, а у Любы нет. Непорядок.

— Зачем? Ты меня так сильно ненавидишь и хочешь избавиться? Мам, ты не видела мой парик? — Я с досадой заглянула за диван.

— Какой парик? Найди нормальную работу! Какой парик, Люба?! Время быстро бежит... вот у меня в твоём возрасте... — в голосе мамы обида теснила раздражение.

— Была уже я, а сестра ещё сидела у тебя в животе. Я помню, — пробормотала я, продолжая искать парик.

— Время бежит, и сама не заметишь, как парики понадобятся и вставные челюсти! — Она тревожно провела ладонью по своим волосам.

— Ну и пусть бежит! Держать никто не собирается! — отмахнулась я, начиная сердиться.

— Люба, надо держать. Тридцать стукнет и не заметишь. Все обвиснет! — Мама нахмурилась, словно уже видела мою загубленную жизнь.

— Мама! Даже если обвиснет, всё равно будет много. Бабушки постарались на славу. — Я не удержалась от усмешки.

— Ты на улицу не выходишь. Людей не видишь! Я внуков

хочу! Когда-нибудь! — выпалила она с горечью.

— Где мой парик? — упрямо повторила я, делая вид, что не слышу.

Мама схватила меня за руки и развернула лицом к себе.

— Люба, я серьезно. Мы с папой внуков хотим, работу тебе хорошую найти. Вот Боря славный парень. Сын Анны Исааковны...

— Это вот этот старый, жирный с залысинами?! — Я устала вилась на неё в искреннем ужасе.

— Не жирный, а упитанный! И не залысины, а широкий лоб. Потому что он умный. И не старый. Ему всего лишь тридцать два! — возмутилась мама, защищая своего кандидата.

— А выглядит на все пятьдесят два. И вообще все умные отсюда давно уехали. Его лоб на затылок скоро полезет. — Я скептически прищурилась.

— Боря учёный. В таком возрасте заведует кафедрой в научном центре, — гордо напомнила она.

— Мама, там под навесом коня не видно, а ты упитанный говоришь. Он даже меня раздавит, и у тебя не будет ни дочери, ни внуков, — сказала я с таким отчаянием, что сама едва не расхохоталась.

— Люба! — мама повысила голос от возмущения.

— Все, я нашла парик и убегаю, — объявила я с облегчением, прижимая находку к груди.

— Люб, ну давай работу нормальную поищем, а? Давай

после Нового года возьмем газету и начнем искать. Я тебе помогу. Может, случится чудо и тебя куда-то возьмут, — мамин голос смягчился, и от этого спорить стало труднее.

— Чудо случилось! Я уже нашла! Там даже квартиру дадут! Все, пожелай мне удачи. — Я торопливо улыбнулась, стараясь её обнадёжить.

— Как нашла? Когда нашла? Сейчас же праздники на носу! Любаааа, возьми с собой бутерброд! — растерялась она, протягивая мне свёрток.

— Я на диете и взяла яблоко, — напомнила я с преувеличенной серьёзностью.

— От яблока разболится живот, ты засядешь в туалете и тебя не возьмут на работу! — встревожилась мама и настойчивее сунула мне бутерброд.

Я быстро вернулась, взяла из ее рук сверток, чмокнула в щеку и побежала вниз по ступенькам.

— Давай с Боренькой встретимся! Он увезет тебя в Израиль или в Америку, а ты нас! — с надеждой крикнула она вслед.

— Через мой труп! — Я возмущённо обернулась через плечо.

Чудо и правда случилось. Еще вчера мы с Валькой забрели в какое-то кафе и именно там я наткнулась на объявление о поиске Бабы Яги. Позвонила, и оказалось, что вакансии свободна.

Я заглянула в сообщение, которое получила утром насчет

работы. Что за адрес? Ни на одной карте улицы такой нет. Но работодатель по имени Аристотель (не знаю, что курили его предки) расписал, как пройти и проехать, даже маршрут нарисовал — не поленился, молодец какой. Не то с моим топографическим кретинизмом далеко не уеду. Я в магазин с навигатором хожу.

Маршрутка довезла меня до улицы Артемова, а дальше я пешком шла. Поглядывая на карту. Больше названия улиц не встречались. Ну все. Сейчас попаду в логово маньяка, меня расчленият и съедят на ужин. Ничего другого со мной сделать не могут, так как я баба яга. Притом весьма упитанная. С пимпочкой. Хотя, может, сначала изнасилуют.

Вот мама считала, что меня давно пора изнасиловать и даже отправляла вечером в магазин. Одну. Она не знала, что я купила газовый баллончик и на каждое «девушкааа» оборачивалась с оскалом монстра и пшикалкой в руках. Маньяки тут же сверкали пятками, а я гордо приносила в одиннадцать вечера хлебушек из киоска.

Весьма неожиданно передо мной вдруг возникло высокое здание с красивыми большими окнами и на нём название нужной улицы «Темная аллея» 6. И правда темная, вся поросла деревьями и кустами.

Но гугл, сволочь, пустырь показывает, и Яндекс тоже. Я поднялась в чистеньком белом лифте на шестой этаж и постучала в офис номер тринадцать с веселой табличкой «Корпорация Лукоморье. Ведется набор кадров».

В офисе за столом сидит тип в маленьких круглых очках с хохолком из седых волос, в клетчатых штанах на подтяжках и рубашке в мелкий цветочек. На первый взгляд похож на Карлсона и... на второй тоже.

— Аристотель Лукерь... не Лукьянь — запнулась я и почувствовала, как краснеют уши.

Черт! Что за отчество ужасное?! Хотя, нет, у нас в универе Раиса Окакиевна... вот там совсем не повезло.

— Аристотель Лукерьевич. Присаживайтесь, Любава Владимировна, — поправил он с терпеливой улыбкой.

Села в глубокое мягкое кресло, поёрзала, наслаждаясь удобством и наконец посмотрела в глаза работодателю.

— Я так понимаю, вы ищете работу Бабой Ягой? — осведомился он, насторожённо разглядывая меня.

— Ээээ... ну да, хотя я бы не отказалась и от других ролей. Учусь на отлично в театральном и даже выступала в театре. Правда на второстепенных ролях... в массовке... ну на подмене... один раз. Но в театре. Настоящем с настоящими артистами, — затараторила я, всё сильнее смущаясь от собственного хвастовства.

Его не впечатлило.

— У нас других вакансий нет. Только эта, — сухо отрезал он.

— А тебе не кажется, что она слишком молодая? — раздалось из-под стола недовольное ворчание.

Голос донесся откуда-то снизу из-под стола, и я припод-

нялась, чтобы рассмотреть собеседника, но грозный взгляд Аристотеля заставил сесть обратно в кресло. Никакой он не Карлсон. Он теперь больше на тролля похож.

— Мне ничего не кажется. Время идёт, а Бабы Яги нет! С нас три шкуры спустят сам знаешь где и сам знаешь кто, — Аристотель раздражённо постучал ручкой по столу.

О, у них есть свой Волан де Морт?

— Кого у нас только нет, — пробормотал он с усталой усмешкой.

Подпрыгнула от неожиданности — я что это вслух сказала?

— Так вы согласны или искать кого-то другого? — в голосе работодателя послышалось нетерпение.

— Эмम्म, а что мне надо делать? — спросила я, стараясь справиться с неловкостью.

— Как и было написано в объявлении — быть Бабой Ягой, — искренне недоумевал Аристотель, пожимая полными плечами.

— А что входит в мои обязанности? — уточнила я, уже начиная тревожиться.

Аристотель снова посмотрел вниз рядом с собой, а у меня возникло желание что-то уронить и заглянуть под стол. Кто там с ним? Карлик какой-то?

— Ей потом объяснят! Пусть либо соглашается, либо не тратит наше время. Нам еще Лешего искать и Кикимору с Лихом. Ягу легче всего найти. Не хочет — другую возьмем!

Тоже мне. Долго думает!

Вот и нелегко! Это вам не Снегурочка и не принцесса.

— А зарплата? — Я смущённо стиснула ручку сумки.

— В объявлении все указано было. Время обучения не оплачивается, а потом за каждый заказ, — отозвался Аристотель с плохо скрытым раздражением.

Обучения... хм... курсы Бабы Яги, что ли? Аристотель нервно постукивал шариковой ручкой по столу и раздражал меня.

— Хорошо, я согласна, — решила я, боясь упустить работу.

Троль резко обернулся ко мне, и его хохолок радостно подпрыгнул.

— Согласны? — Он вскинул брови с таким облегчением, что я насторожилась.

— Да. Я согласна. Когда выходить на работу? — подтвердила я, чувствуя, как возвращается уверенность.

— Прямо сейчас, — объявил он довольно.

— Как прямо сейчас? А праздники? Новый год же через два дня! — растерянно переспросила я.

— А вот так, — отрезал он, не скрывая удовлетворения.

Он наклонился, отодвинул ящик и положил передо мной лист бумаги.

— Это договор. Прочтите и подпишитесь. Там также перечислен инвентарь. Все надо вернуть в целости и сохранности, если вас уволят или вы умрете, — проговорил он дело-

вито, но на последних словах торопливо отвёл глаза.

— Что?! Умру? С чего бы это? — Я отдёрнула руки от листа.

— Я сказал: уйдёте! Вам послышалось! — резко поправился он и нахмурился.

Глава 2

Ничего себе слышалось! У меня волосы дыбом встали. Пробежалась взглядом по договору: стандартный набор слов, ничего особенного, только там, где срок найма, написано «бессрочно» и даты нет.

— А что это значит? — Я с тревогой ткнула в строчку.

— Что у нас работают до последнего, если, конечно, не нарушите пункты пять и шесть, — Аристотель ответил с неуместной бодростью.

— Последнего чего?! — переспросила я, холодея.

— Ну разве у вас так не говорят? — удивился он, слишком старательно улыбаясь.

Он мило мне улыбался. У кого у нас?

— С пунктами пять и шесть ознакомилась? — напомнил он с нарастающим нетерпением.

— Это те, в которых написано: не есть людей, не плевать в святую воду, не злоупотреблять колдовством и не помогать конкурентам, иначе буду проклята? — прочитала я, уже не понимая, смеяться или сердиться.

— Именно, — кивнул он с облегчением.

— Я думала, это шутка. А почему нет пункта «не летать на ступе»? — Я недоверчиво покосилась на собеседника.

— Это пункт семь, — буркнул он, явно устав от вопросов.

Аристотель что-то писал на бумажке и на меня не смот-

рел, зато смотрели из-под стола. Я была в этом уверена.

Он издевается? Но в пункте семь было написано, что летать можно только в ночное время. Ладно. Они шизанутые. Подпишу эту чушь и можно работать.

Взгляд зацепился за инвентарь. Метла, платок, зеркало, нарядное платье и два простых, фартук, лапти, десять пауков, мышь, кот.

— Это все? — уточнила я, растерянно разглядывая список.

— Если список пополнится, вам дадут дополнение к договору, — пояснил он с видом человека, которому всё надоело.

— А он может пополниться? — не удержалась я от тревожного вопроса.

Аристотель задумался, почесал лоб.

— Обещали через неделю завезти приворотное зелье из тридевятого королевства и тараканов. С саранчой и гадюками напряг пока. С зелеными жабами тоже. Сейчас только коричневые. Но вам их все равно на первом курсе не дадут, — перечислил он озабоченно.

— Что? На каком курсе? — Я почувствовала, как улыбка сползает с лица.

— На первом. Разве я не по-русски разговариваю? — в голосе Аристотеля прозвучало раздражение.

Они просто так издеваются над новичками. Снимают пранки на камеру, а потом ржут всем коллективом.

— Пусть подписывает, время идет, — недовольно пото-

ропили из-под стола.

Опять голос из-под стола, и я твердо решила узнать, кто там чего бы мне это ни стоило.

— Перед тем как подпишете, скажите громко «Воистину согласна. Или я буду не я, коли откажусь от слова данного!» и руку вот сюда положите, — велел Аристотель, и его улыбка стала натянутой.

«Сюда» оказалось потрепанной книжонкой с каким-то заёртым названием, испещрённой трещинами.

— Зачем? — спросила я с подозрением.

— Так положено. Ритуал у нас такой. Вот сюда ручку кладите. На страницы, — настоял он, пряча нетерпение за любезностью.

Аристотель как-то уж очень добродушно улыбнулся. Ну прям мужчина в полном расцвете сил. Я руку на книгу положила. Редкие психи. Ритуал у них.

— Ладно. Воистину согласна. Или я буду не я. — Тут же резко отняла руку: меня словно укусило что-то за палец. Я ойкнула, глядя на острые зубы, расположенные по обеим сторонам переплета и на каплю своей крови, которую слизал кожаный язык. Клыки исчезли и вместо них снова виднелись исписанные каким-то старорусским шрифтом страницы. Я потряхнула головой. Это глюк. Страшный глюк. Я просто не выпалась. Мне показалось. Зубастые книги... метлы, ступы, тараканы. Жесть!

— Тут подписывать? — спросила я, всё ещё дрожа после

укуса.

Они реально чокнутые, но работать мне у заказчиков, а не с ними.

— В нужном месте галочка стоит, — Аристотель шумно выдохнул, будто сдержался от резкости.

Расписалась и уронила ручку, наклонилась поднять и тут же заглянула под стол. Там никакого карлика не оказалось, только глаза жёлтым сверкнули. Я подскочила и больно ударилась головой.

— У вас там кот? — выдавила я, потирая ушибленную голову.

— Да. Ваш, — сообщил он с явным облегчением.

С этими словами Аристотель достал из-под стола черного, пушистого кота и протянул мне.

— Брать осторожно и пузо не жмякать! Подеру колготки! — возмущённо предупредил кот.

Мне послышалось или я чокнулась? У меня глаза чуть на лоб не полезли. Я громко ойкнула. И тут же стало очень страшно. Значит, и книга все же... была с зубами.

— Что такое? — Аристотель нахмурился, заметив мой испуг.

Аристотель грозно смерил меня взглядом.

— Я... я не планировала брать себе кота. И он... он разговаривает! — взвизгнула и покосилась на лохматое чудище.

— Оооо! Она меня слышит! И никакое я не чудище! Я красавец! Мой хвост самый пушистый и великолепный

во всех тридевятих, десятых и даже одиннадцатых королевствах! — похвастался кот, распушив хвост.

— Хвастун! Конечно, она слышит, у тебя рот не закрывается. Мог бы и не шокировать новеньких. Так что там у нас по списку? Еще мыша и пауки. Спуститесь вниз на второй этаж, вам там выдадут все остальное. Вот ключи, — проворчал Аристотель, с раздражением отодвигая бумаги.

— Ключи? — Я растерянно уставилась на его ладонь.

— Да. От комнаты в общежитии. Вам же обещана жилплощадь, — напомнил он с натянутым терпением.

— А кота можете обратно забрать? — попросила я, с отворачиванием отводя кота подальше от себя.

Я держала шерстяного за шкурку и безумно жаждала вернуть его под стол. С кошками я не ладила, как и с собаками. У меня аллергия, как у мамы... из-за нее мне мерещится вот это вот все.

Только почему я до сих пор ни разу не чихнула? Обычно рядом с кошачьей шерстью у меня сразу начинали слезиться глаза. Сегодня — ничего. Я потёрла нос и от этого испугалась ещё сильнее.

— Нет. Это ваш кот. Так полагается. — Он с неудовольствием покачал головой.

— Типа совы в Гарри Поттере? — уточнила я с нервным смешком.

— Поттера не помню... — задумчиво сказал Аристотель. — Паркера помню. Совы у него не было. Только хорек.

— Если не поставишь на место, пупсик, глаза выцарапаю! Вцепилась она! Я тебе не сэндвич! — прошипел кот, зло сверкнув глазами.

Я разжала пальцы, и черная туша шмякнулась на пол.

— Аккуратней! Если че я мстительный! Могу и в тапки ... того. Поняла? — обиженно пригрозил он, отряхиваясь.

Я сплю. Точно сплю и мне снится вся эта чушь.

— Так, вот твой пропуск и договор. Билет на трамвай. Как приедешь в Заболотье, предъявишь все ректору, — затараторил Аристотель, торопясь закончить разговор.

— Какому ректору? — Я тревожно подняла голову.

Не поняла. Такая кличка что ли у сотрудника?

— А ты думала Баба Яга — это только длинный нос и острый язык? Учиться будешь, голубушка. Я же говорил об этом. Первый курс в Академии...

— Чему учиться? В какой Академии? Вы в своем уме? Я же говорила, что уже учусь! — выпалила я, уже не сдерживая паники.

Я судорожно сглотнула резиновый ком в горле. Реально чокнутые какие-то! Ещё и не оплачивают!

— Как чему? А колдовать как будешь? А оборачиваться в кошку, ворону или летучую мышь? А зелья варить? А на метле летать? Историю знать тридевятого, тридесятого. И мысли свои скрывать. У меня от них башка трещит! — раздражённо перечислил Аристотель, схватившись за лоб.

— Нет, я на такое не подписывалась! Мы о работе гово-

рили! Мне не подходит! Я, пожалуй, пойду! — Я вскочила, прижимая сумку к груди.

— Поздно! Договор подписмю, печать поставмю, — промурлыкал кот с гнусным торжеством.

Кот облизал свой хвост и довольно на меня уставился. Ничего, я этого блохастого утоплю в первой сточной канаве.

Кот тут же подскочил, зашипел.

— Она ненормальная! Аристушка, отдай меня кому-то другому. Кикиморе или Лешему. Эта утопить хочет, — взвизгнул он, прячась у ноги работодателя.

Работодатель обернулся ко мне и грозно свел брови на переносице. Не тролль, а гоблин вот он кто.

— Убьешь кота — запишут в книгу проклятий. Тринадцать проклятий наберёшь — и перейдешь в распоряжение Нежити. Вот там и помереть можно.

Я смутно понимала, что это значит. У меня создавалось впечатление, что кто-то здесь сильно болен, и искренне надеялась, что это не я. Но не затыкающийся кот заставлял сильно сомневаться. Работать уже не хотелось. Хотелось домой. И даже познакомиться с Борей. И хрен с ним выйти замуж.

— Нееее, я передумала. Забирайте свои бумажки, кота вашего. Ничего мне не надо, — в панике выпалила я.

— Вашего кота. Вы за него расписались, — с нажимом поправил Аристотель.

— Я передумала, — повторила я сквозь зубы.

— Вот и хорошо! Прекрасно! — кот потёрся о ноги Ари-

стотеля и распушил хвост, — Давай ее отпустим. Пусть катится. Какая с нее Баба Яга? Матрешка жопастая!

Это кто матрешка? Сволочь! Я на него так посмотрела, что он комком шерсти подавился, и Аристотель пнул его ногой.

— Поздно, заклятие произнесено. Все. Обратной дороги нет, — отрезал он, и улыбка исчезла.

Ну у них может и нет, а у меня точно есть. Так что досвидули, а лучше прощайте.

— Она уходит! Видишь? Давай все расторгнем аааа? Она мне не нравится! — с надеждой взмолился кот.

Ты мне тоже не нравишься, говорящая шерстяная хрень. Я открыла дверь и помчалась к лифту.

— Ничего, скоро вернется. — донесся спокойный до ужаса голос Аристотеля.

Ни за что. Никогда. Я в Израиль уеду. Или в Америку. Завтра. Нет, даже сегодня! С Борей!

Это был розыгрыш. Однозначно меня снимали какой-то скрытой камерой. И теперь в ютубе всплывет моя физиономия. А что? Еще один виток популярности. Мама гордо говорит друзьям «Наша Любочка артистка». Артистка, ага, три раза.

Только и умею орать: «Я была навеселе и летала на метеле...»

Выбралась в оживленную местность и как-то поспокойней

стало. А то после офиса Аристотеля и того говорящего чудища с желтыми глазами я уже было подумала: прощай моя крыша. Так. Теперь бы выбраться отсюда домой побыстренько и без потерь. Солнышко светит, снежок еще вчера выпал. Холодно, конечно, но ничего, все терпимо. Дома елка стоит, мама на оливье картошку варит и свиные ножки кипят на холодец. Пахнет лавровым листом и перцем. Представила и скулы свело. С Борей я погорячилась. Не так все плохо оказалось. И следом никто не ... Обернулась — и аж дурно стало: в кусты прошмыгнул черный кот. Тьфу ты. Котов этих, особенно черных, тьма тьмущая. А вот и остановка и на остановке даже пара человек имеется и собака. Большая собака. Очень большая и без намордника. Меня заметила и начала рычать. Ну здрасьте вам. Все ж хорошо было. Нет, ничего не было хорошо. Как раз-таки день начался ужасно. И еще не закончился.

Бочком, бочком под навесик, чтоб не продуло. Псиная сзади, я ее не вижу, она не видит меня.

«Страшная какая, надо к хозяину ближе держаться»

Чего? Я страшная? Это кто такой борзый? Резко обернулась — все молчат. Мужик лет пятидесяти газетку читает, малолетка в сотовом ковыряется, в ушах наушники. Мои брови удивленно поползли вверх. Мда. Срочно домой, выпить чай, скушать булочку, измерить температуру и спать.

«В туалет хочу, долго еще эту душную коробку ждать? Хоть бы в кусты меня отпустил! Читает уже часа два. А ес-

ли тут наделаю «делов» накажет. Хозяиинин. Давай отойдём, а?»

Так, это, наверное, с наушников той малолетней готки доносится. Обернулась, прислушалась — тарахтит музыка. Посмотрела на мужика, на собаку. Та жалобно заскулила и спряталась за ногу хозяина.

«Ну и ведьма, сейчас точно описаюсь. Хозяяяяин, пошли в кустыыыы».

Не поняла, это собака, что ли говорит? Так все. Надо звать на помощь и скорую. У меня горячка.

«Если сейчас не пойду в кусты, залью всю остановку!»

Скулит, дёргается.

— Фу, Атос! Место! — прикрикнул хозяин, неохотно отрываясь от газеты.

Атос. Не, ну круто. Подходит вроде.

— Ваш Атос сейчас всю остановку загадит, вы бы его в кустики сводили, — не выдержала я, сочувственно поглядывая на пса.

Мужик на меня посмотрел.

— Это вы мне? — мужчина недоверчиво нахмурился.

— Ну Атос тут точно один. Писать хочет ваша собачка, — ответила я с раздражением.

Обратно после кустов Атос скакал вприпрыжку, смотрел на меня с дикой благодарностью и даже лизнул мою ногу, а я чуть не умерла от ужаса. Больше я его не слышала и слава богу. Это ж надо такое привидеться. Залезла в переполнен-

ный автобус. Люди расступились и возле меня образовался свободный пяточок. Мне б еще сесть... вон туда на кресло у окошка. Никто, конечно, не уступит. Я не старая и не беременная.

— Присаживайтесь, бабушка! — предложил парень, неловко вскакивая с места.

Глава 3

Вот, какой-то старушке только что повезло.

— Бабушкааа... — повторил он с тревогой.

Я обернулась, и парень немного вздрогнул. Наверное, обомлел от моей красоты.

— Присаживайтесь, — сказал он, указывая на свободное место.

Хм, а где бабушка? Выйти что ли успела?

— Спасибо, — кокетливо улыбнулась и повела бюстом. Парень попятился назад и быстро отвернулся. У меня что прыщ на носу выскочил? Или тушь размазалась? Сунула руку в карман, достала зеркало и посмотрела на свое отражение — все нормально. Ну синяки под глазами, а так очень даже ничего.

Домой добралась с тремя пересадками поздно ночью, открыла дверь своим ключом тихонько, пробралась в комнату мимо елки, на носочках.

— Люб, ты? — сонная мама крикнула шепотом из спальни.

— Да, я, конечно. Кто ж еще? — сонно отозвалась я, удивившись вопросу.

— А что с голосом? — Мама насторожилась.

— Ничего, — буркнула я, мечтая добраться до постели.

— Холодное пила? Я с тобой утром разберусь! — сердито

предупредила она.

Какое холодное зимой? Я ж вечно ангинами мучаюсь. Добралась до постели, разделась, накинула ночнушку и юркнула под одеяло. Утром душ приму. Сил нет. Как же хорошо дома.

Сладко задремала, причмокивая губами, обнимая подушку и своего медведя.

Утром меня разбудил дикий вопль.

— Воваааааа! Там... там... Вовааааааааа! — в мамином голосе захлебнулся ужас.

Мама кричала, как ненормальная, и я в ужасе вскочила с кровати.

— Что? Что такое? — Я выскочила из комнаты с бешено бьющимся сердцем.

Выбежала в коридор. Увидев меня, они заорали оба. Отец бросился на кухню и вернулся с ножом. Махнул им пару раз у меня перед носом и теперь уже завизжала я.

— Папааааа! Ты что? — закричала я, шарахнувшись от ножа.

— Ты кто? Где наша дочь? — прохрипел отец, белый от страха.

— Мам, пап? Вы что? Это же я... я! — Я беспомощно переводила взгляд с одного на другую.

— Звони в полицию, а я ее сейчас вышвырну! Ты как в дом зашла, старая ведьма? Ключи где взяла? Боже! Как дети этот кошмар не заметили! Она же к ним не заходила? —

Отец загородил собой проход, едва справляясь с яростью.

— Папааа, это же я! — взмолилась я, чувствуя, как по щекам текут слёзы.

Рот дрожал, и я не могла перестать плакать.

— Звони быстро, Люда! Она сумасшедшая, эта старуха!

— сорвался отец на крик.

— Ужас какой! — Мама зажала рот ладонью.

Старуха? Они с ума сошли? Я посмотрела в зеркало в коридоре и увидела саму себя с растрепанными волосами и перепуганными глазами, в ночнушке и с медведем в руках.

— Снимай вещи нашей дочери, забирай свои вонючие тряпки и вали отсюда! — выкрикнула она, дрожа от отвращения и страха.

Мать швырнула в меня вчерашним платьем и брезгливо вытерла об себя руки.

— Мамаааааа! — позвала я, не веря, что она меня не узнаёт.

— Что сказали в полиции? — Отец оглянулся на маму с тревогой.

— Сейчас будут! — выпалила она, сжимая телефон.

Я схватила свое платье, натянула через голову, а в меня еще и пальто бросили.

— И обноски свои дранные забирай! — Вдогонку швырнули сапоги.

Ничего не понимая, заливаясь слезами, я выскочила на лестницу. До меня доносились голоса родителей.

— Где Люба? Что эта тварь с ней сделала? Надо было дожидаться полиции! — до меня донёсся отчаянный мамин голос.

— Хорошо, что детей утром к бабушке отвела, — выдохнула мама, и в её голосе задрожали слёзы.

— И что мы скажем полиции? Что какая-то старуха ночевала в спальне нашей дочери? Нам никто не поверит. Надо дожидаться Любы. Она скоро вернется. Может, ночные выступления были на корпоративе, и она ключи потеряла. Успокойся, Люд... давай валерьяночки накапаю. Это недо-разумение какое-то, — пытался успокоить её отец, но сам говорил сбивчиво.

Вышла на улицу, не чувствуя холода и шатаясь села на лавку, закрыв лицо руками.

— Чего реवेशь? Я вот из-за тебя тоже на улице оказался и не реву, — раздалось рядом обиженное ворчание.

Приоткрыла глаза и, увидев черного кота, закричала, вскочив на лавку с ногами.

— Не ори! Орет она! Это я орать должен! Сколько лет провел в тепле и в сытости, пока ты не приперлась. Че тебе дома не сиделось? Согласилась она! Все отказывались, а она видите ли согласна! Вот... не ори теперь. Сама виновата! — возмутился кот, в ярости хлеща хвостом по скамейке.

Я смотрела на него расширенными от ужаса глазами и читала про себя «Отче наш».

— Не богохульствуй, Любава, таким, как мы, молитвы не

помогут. Только колдовство. Трэш, хардкор, так у вас, кажется, говорят. — облизал свою лапу, — будешь себя хорошо вести поймаю тебе мышь. Спать будем на вокзалах и в подворотнях. Я не собака, охранять не обещаю.

— Нигде я не буду с тобой спать! Пошел вон отсюда! Брысь! Я домой пойду! Понял? А ты сам как-нибудь по вокзалам и подворотням, — закричала я, заслоняясь от него ладонью.

— Домой? Не смей мои шурундулы, домой она собралась. Тебя оттуда поганой метлой выгонят, если уже не выгнали! — фыркнул он с горькой насмешкой.

— Чего это выгонят? Что вы наделали с твоим придурком-начальником? А? — спросила я, и испуг сменился злостью.

Я сгребла кота за шиворот и тряхнула.

— Отпусмяуууууу! Иначе ничего не сказмюууу! — завизжал кот, отчаянно извиваясь.

Разжала руку, и он упал на пузо, зашипел и юркнул под лавку.

— Дура психованная! Говорил не надо эту толстуху брать! Не годится она! — донеслось из-под лавки злое шипение.

— Сам жирный! На себя посмотри! Говори, почему меня выгонят! Быстро! Не то поймаю и ошипаю, как курицу! — пригрозила я, с трудом удерживаясь от слёз.

— Угрожать коту? Своему? — изумился он с оскорблённым достоинством.

— Рассказывай! — потребовала я, наклоняясь к нему.

— А что тут рассказывать. В воду посмотри, она тебе правду и покажет. Только скажи вначале заклинание, — уступил кот, всё ещё обиженно сопя.

Мне все это снится. Да, кошмар просто затяжной или ооо, я попала в аварию, разбилась на машине и теперь лежу в коме и мне все это кажется.

— Какое заклинание? — Я замерла, боясь услышать ответ.

— Ты священная вода, не обманешь никогда. Разливайся, ворожи, не меня мне покажи, — продекламировал он с мрачной торжественностью.

— Бред какой-то! Я ничего этого не вижу! И ты мне кажешься! Убирайся! Уходи! Пошел вон, шерстяной уродец! Я ненавижу котов, ясно? Чтоб ты сквозь землю провалился! — И кулаком стукнула.

Послышался какой-то треск, прощальное «мяу». Я заглянула под лавку — там оказался открытый люк и ненормальное говорящее чудовище, наверное, туда и упало. Вчерашний снег растаял и под скамейкой образовалась лужа, в которой отражалось мое растерянное лицо.

— Ты священная вода, не обманешь никогда. Разливайся, ворожи, не меня мне покажи. — произнеслось само, вода зарыбила, затрепетала и начала расходиться кругами, а потом я в ней увидела жуткое лицо старухи с бородавкой на носу, глазами навывкат, мясистыми губами и жидкими седыми во-

лосами, выбившимися из-под косынки. Потрогала свой нос, и старуха свой потрогала. Хотела коснуться волос, и старуха тронула свой платок.

Мой крик, наверное, слышали во всем городе, я выскочила из-под лавки и побежала куда глаза глядят, пока ноги несли. Бежала долго, словно убегала от кого-то. От ужаса ничего не видя перед собой.

Началась самая настоящая метель, и я спряталась под мостом, согнувшись пополам, задыхаясь и пытаясь прогнать образ жуткой старухи, то и дело возникающий перед глазами.

— Что? Увидела себя красавицу? — ехидно осведомился кот.

Вздрогнула, но не обернулась. Я уже знала, что это кот. Проклятый, мерзкий, уродский черный кошара.

— Ну, может и проклятый, может и черный, но за мерзкого и уродского я требую извиниться! — потребовал он с искренним возмущением.

— Уйди! И без тебя тошно! — попросила я, пряча лицо в ладонях.

— Тошно ей! Как кота в люк швырять не тошно было? Живодерка! Не смей больше произносить заклинания. У тебя еще официального разрешения нет. Донесу куда следует и будешь в Некрополе в склепе сидеть на цепи, — возмущённо зашипел он.

Я ничего не ответила, глаза так и держала закрытыми,

чтоб больше ничего не увидеть. Особенно эту жуткую старуху.

— Не бойся... ты себя такой не увидишь. Только они. Люди. А в Академии и вовсе красмящей будешь. Рыжая, сиськатая, — сказал кот уже тише, заметив, как меня трясёт.

— Я тоже человек, между прочим! — возразила я с отчаянием.

— Уже нет, — он произнёс это почти сочувственно.

— А кто я? — выдохнула я, похолодев.

— Баба Яга! Ты ж заклинание произнесла: «Я не я буду» — вот... теперь ты не ты, а одна из нас, — напомнил он с усталой досадой.

— Из кого из вас? — Я вцепилась пальцами в край пальто.

— Нечисти, — ответил кот, насторожённо следя за мной. Боже. Пусть он замолчит. Пожалуйста. Я не могу слышать этот бред я с ума сойду.

— Исчезни! — прошептала я с ненавистью.

— Не могу. Я твой кот. Куда ты — туда и я.

— Считай, что я тебя выкинула! Могу в приют отнести! Или подарить кому-то! — Я беспомощно размахнула рукой.

— Нельзя выкинуть. Я б и сам ушел. Думаешь, мне нравится за такой дурой по пятам таскаться? — Кот отвернулся с обидой.

— Сам дурак! — выдавила я сквозь слёзы.

Я размазывала слёзы по щекам и представляла, как вместо меня сейчас рыдает уродливая старуха, и завывала еще громче.

— Ну... не скажи. Мне, в отличие от тебя, уже больше двухсот лет, и я таких, как ты, видел перевидал, — добавил он с важным видом.

— И... и куда они делись... такие, как я? — спросила я, сама пугаясь этой мысли.

Глава 4

Кот оживился, даже обрадовался. Он распушил свой хвост и важно прошелся у меня под носом туда-сюда.

— Та по-разному. Одна на первом курсе померла, после неверно произнесённого заклинания ее задушила жаба, вторую Горыныч сожрал, третью к нежити отправили — меня обижала, четвертая утонула в болоте, пятая Лешего разозлила — он ее в камень обратил... шестая Лихо разбудила и стала пугалом, седьмую Иван Царевич в печь посадил. Восьмая...

— Хватит! — вырвалось у меня, и я зажала уши.

Я закрыла уши руками. Больше не могу его слышать. Пусть замолчит. Это бред какой-то.

— Как... мне вернуться домой? Я... замуж хочу выйти, — всхлипнула и заревела в голос, — За Борююю. Сегодняая!

— Теоретически надо отучиться, выполнить работу по договору и заклятие будет снято, — пояснил кот с нарочито деловым видом.

— А практически? — рыдая, спросила я.

— Практически это невозможно. — Он отвёл глаза, и у меня всё оборвалось внутри.

— Ясно и... и что мне делать? Чтооо? — простонала я, чувствуя, что больше не выдержу.

— Ехать в Заболотье, — отозвался кот с усталым упрям-

СТВОМ.

— А если я усну... ты утром не исчезнешь? — спросила я с последней надеждой.

— Я вчера у себя спрашивал то же самое, — буркнул он обиженно.

Положила голову на колени, чувствуя, как замерзаю.

— Сволочь, — выдохнула я, съёжившись от холода.

— От сволочи слышу. Никакого почтения к самому уважаемому коту в Лукоморье, — недовольно проворчал кот.

— И как тебя зовут, самый уважаемый кот? — спросила я, не скрывая злости.

— У меня нет имени, точнее мне имя дают хозяйки. Вот в прошлый раз я был Призраком, а до этого Маркизом, Герцогом, Красавчиком. — Он приосанился, смакуя каждое предыдущее имя.

— Нагломордом будешь. Сволочь блохастая, — решила я с мстительным удовольствием.

— Что? Сейчас же измени имя! Немедленно! И я не блохастый! — Кот возмущённо выгнул спину.

— И не подумаю. Скажи спасибо, что не Нагложопом, — огрызнулась я.

— Так что Нагломорд еще очень даже, — подвела я итог с упрямой усмешкой.

— Чем тебе Маркиз не нравится! — возмутился кот, потеряв остатки важности.

— Потому что ты наглая морда, а никакой не маркиз. И

вообще уйди. — Я отвернулась, зябко обнимая себя.

Я замерзала, и меня злил он, погода, дурацкий сон, который никак не заканчивался.

— Хочешь, отопрею и спать уложу? Хочешь? Меняй имя быстрее! Через шесть минут уже не поменяешь! — заторопился он, тревожно оглядываясь.

— Не хочу ничего. Домой хочу! — Я покачала головой, не в силах успокоиться.

— Домой не получится. А вот поспать перед дорогой и согреться могу устроить. Я, кстати, потомок кота Баюна. Прапрадед в две тысячи сорок пятой степени он мне. Давай. Изменяюууу... времмяуууу идет! — пообещал кот с лихорадочной надеждой.

— Заткнись! Просто заткнись! — попросила я с измученной злостью.

Накинула пальто на голову и закрыла глаза.

— Иимя меняй, грю! — сорвался он на отчаянное мяуканье.

— Не буду. Мне это нравится, — ответила я с упрямством.

— Ведьма! Одна минута осталась! — взвизгнул кот.

— Заткнись, Наглomorphic! — рявкнула я из-под пальто.

— Аааааа мне не нравится! Я тебя каждый день царапать буду, ссать в тапки, гадить, носить мышей в кровать, выть серенады в пять утра... — Он заходил передо мной в бешенстве.

— Я ж говорю НАГЛОМОРД! — отрезала я с мстительным торжеством.

— Я расскажу, как домой вернуться! — выпалил он в отчаянии.

Подняла голову.

— Врешь! — Я недоверчиво прищурилась.

— Клянусь. Быстрее меняй! — Кот подпрыгнул от нетерпения.

— Будешь Черномордом, — уступила я, всё ещё сердясь.

— Почемуууу... я марки... — замер, чихнул и глаза закатил, — все. Поздно!

— Домой как вернуться? — спросила я, уцепившись за обещание.

Отвернулся и принялся вылизывать себе спину.

— Ты говорил расскажешь! — напомнила я с подступающей яростью.

— Я наврал, — признался он с обиженным вызовом.

— Черноморд паршивый! Я тебя блохастого поймаю и шею сверну! — Я вскочила, трясаясь от злости.

От холода спать хотелось, и я глаза закрыла, но кот спать не дал.

— Нельзя спать — замерзнешь. Ехать надо.

— Я усну, а проснусь — всё это исчезнет, — упрямо прошептала я.

— Не исчезнет. Пошли. Нам идти недолго, — кот впервые заговорил по-настоящему встревоженно.

— Недолго? Я вчера на трех автобусах домой ехала и на метро, — переспросила я с недоверием.

— Потому что дорогу короткую у меня не спросила, — отозвался он с упрёком.

Боже, неужели я с котом разговариваю? Сижу где-то под мостом, на улице метет вовсю, а я коту рассказываю, как вчера домой добиралась.

— И где эта короткая дорога? А главное куда? — спросила я, уже не надеясь на толковый ответ.

— В Заболотье. Только вначале у Аристотеля надо оставленные ключи и инвентарь забрать. Пошли, — заторопил он меня, беспокойно переминаясь.

Я встала, отряхнула пальто от снега.

— Я домой поеду. А ты сам туда иди. И тогда все хорошо будет. Давай. Отстань от меня, — пробормотала я, отчаянно цепляясь за эту мысль.

Пошла в сторону дороги, не оглядываясь и когда мимо какого-то бомжа проходила, услышала вслед:

— Ох ты ж ёперный театр... баба яга настоящая. Страшная, как моя жизнь! — испуганно выдохнул прохожий.

— Бууууу! Беги не то сожрууууу! — рыкнула на бомжа и тот с криком побежал прочь.

— Нарушение закона номер три, параграф четыре «б» — людей пугать нельзя.

— И кто меня за это накажет? — усмехнулась я.

— Главный наш. — Кот насторожённо оглянулся.

— И кто у вас главный? — Я скептически скривилась.

— Сам царь нечисти, некромант, самый жуткий и страшный предводитель мрака. Его даже нежить боится, — сообщил он шёпотом, прижав уши.

— Этот что костлявый, дохлый и бессмертный? Кощей, что ли? — уточнила я с нервной усмешкой.

— Тихо! — шикнул на меня кот и по снегу прошел ветряной вихрь, закружил снежинки, проморозил до костей. — Слуги его везде. Все слышат, все видят.

— Ничего, я как найду зайца, а в зайце утку, а в утке ключ от сундука с кощейевой смертью и пыф и нет вашего Кощея-злодея, — пригрозила я, путая от злости сказочную историю.

— Тише, дура! Не произноси его имя вслух! — Кот зашипел от ужаса.

— Ооо, так это он ваш Волан де Морт? — Я не удержалась от злого смешка.

— Не знаю о ком ты. Эй! Куда собралась? Стой! Меня подожди! — встревоженно окликнул он.

Но я больше не хотела его слышать, я выскочила на улицу и замахала руками перед проезжающими машинами. Может кто-то остановится. Ну хоть кто-то.

— Бесполезно. Пошли со мной! — крикнул кот с досадой.

— Не пойду! — упрямо отрезала я.

— Что ж ты упрямая такая! Говорил надо взрослую, умную брать. А не эту... малолетку! — простонал он, едва по-

спевая за мной.

Огромный грузовик посигналил издалека и начал тормозить.

— Ураааа! — Я побежала к кабине, но кот вцепился мне в ногу. Стряхнула его и взобралась на подножку.

За рулем молодой парень.

— Куда везти, бабуль? — спросил водитель с добродушной улыбкой.

Бабулю нашел. Да я младше тебя.

— В город. На Новосельскую, — выдавила я, дрожа от холода.

— Запрыгивай, — кивнул он сочувственно.

Глава 5

В окнах огоньки сверкают, пахнет пряностями, выпечкой и мандаринками. Я с тоской на свои окна посмотрела. Там мама с папой свою Любаву ждут. За стол не садятся. Домой пойду, докажу матери с отцом, что это я. Встречу Новый год, а утром проснусь и все кончится.

К двери подъезда подошла и вскрикнула — сзади на пальто прицепился кот.

— За каждое выполненное задание ты сможешь возвращать свой облик... а однажды разрушишь проклятие! Да отсохни мой язык! Хотя бы никто не услышал... хоть бы не услышал! — Кот испуганно озирался по сторонам.

— Если до Нового года не пересечёшь границу Тридевятого, навсегда такой останешься! — выпалил он, цепляясь когтями за моё пальто.

— Врешь! — Я недоверчиво тряхнула пальто.

— Не вру. Чтоб мне сдохнуть на месте, — выпалил кот с отчаянием.

— Сдохни! — огрызнулась я, уже испугавшись его слов.

— Не могу — я ж не вру.

Из подъезда вышла соседка с маленькой трясущейся собачонкой.

— Цирк, да и только. Они полицию два раза вызывали, а полиция скорую, чтоб успокоительного вкололи. Григорьевы

с пятого этажа. Говорят, в спальне дочери какая-то старая бабка спала, а дочь со вчерашнего дня не видели. Совсем крыша поехала. Что люди курят...

Я дернулась, чтоб высказать этой стерве всё, что я о ней думаю.

— Время идет! Через три часа все станет необратимо! — тревожно напомнил кот.

— И как мы за три часа и к Аристотелю попадём и в Заболотье успеем? — Я схватила за его шерсть, забыв злость.

— На трамвае. Бери меня и пошли на остановку, — заторопил он меня.

— Сам иди, — буркнула я, разжимая руки.

На остановке совершенно не было людей. Только я и Черноморд. Он стоял рядом и на меня не смотрел. Обиделся.

— И где наш трамвай? — спросила я, тревожно выглядывая на пути.

— Я с тобой не разговариваю, — обиженно отрезал он.

— То есть вот этот вот тридцать третий трамвай отвезет нас к Аристотелю? А ничего, что он на Пушкинскую идет к памятнику? — спросила я с сомнением.

Молчит гад. Хвост распустил. Сидит смотрит куда-то вверх. Игнорирует.

— Черноморд! — позвала я раздражённо.

Поднял голову еще выше.

— Хорошо, мешок с блохами. Я сейчас домой пойду и

пусть меня упрячут в психушку, а ты там с голоду сдохнешь. Или на мыло пустят или психи из тебя котлеты сделают. Ты куда? Эй! Ты это... Не надо, Черномордик! Я пошутила! — Я потянулась за ним, испугавшись собственной угрозы.

Кот шел на трамвай. Точнее под него. Еще немного и его перережет на кусочки. Я увижу окровавленную шкурку и никогда себе этого не прощу. Это из-за меня он решил самоликвидироваться.

— Эй! Ты ж не собираешься туда бросаться? Ты же не Анна! Стой! — закричала я, бросаясь следом.

Побежала за котом, протягивая руки, мысленно представляя, как скрюченная старая карга прыгает под трамвай, ее давят, из-под махины выглядывают небритые тонкие ножки в валенках. Хоронить ее будет Аристотель в костюме католического священника. На надгробье напишут «Любка Каренина. Баба Яга неудачница».

Мама и папа не придут. Никто не придет. В газете снова появится объявление о поиске Бабы яги, а Черноморд расскажет, как позорно я умерла, не дожив даже до первого урока в академии. Новая Яга назовет его Маркизом и заживут они счастливо.

Кот исчез в теле трамвая. Как будто вошел в него своим пушистым мягким телом и испарился. Я несколько секунд стояла и хлопала глазами. Из красной краски показалась черная лапа с когтями и поманила меня внутрь. Зажмурившись, пошла на таран трамвая. Приготовилась к удару

головой... Но его не произошло и я, как шаблонное киношное привидение, просочилась в трамвай. Приготовилась задать трепки коту, но он мило заурчал и потерся о мои ноги. Стало жалко засранца.

— Не подлизывайся, гад! — проворчала я, всё ещё дрожа от испуга.

— Пыф. И не думал. Я об тебя вытираюсь. Вагон пыльный, — отозвался кот с оскорблённым достоинством.

— Вот жеж сволочь. — Я не сдержала усталого смешка. Осмотрелась по сторонам. Все уставились на меня. И на кота. А я уставилась на них. Очень хотелось заорать, завопить, заверещать. От ужаса.

Рядом со мной, раскрыв толстую старую книгу, стояла длинноносая особа с жидкими, светлыми волосами, или жирными, или мокрыми, но ужасно неприятными на вид. Ее кожа зеленого цвета отливала перламутром, и внутри нее раздавались квакающие звуки.

«Это Ехидна. Аристушка две недели назад взял», — пояснил кот у меня в голове с ленивым превосходством.

Ну, да. Все просто. Это Ехидна. Перевела взгляд на мужика, покрытого буйной растительностью, с листьями в голове, носом из березового сучка и деревянной ногой. Повернулся ко мне и улыбнулся — изо рта выпорхнуло облако бабочек.

— Простите! — прикрыл рот волосатой ладошкой. Ничего себе отрыжка. Боюсь подумать о других его... эммм... физических нуждах.

«Леший. Очень милый парень. Сам нас нашел. Лес любит, животинушек. Не то что ты — живодерка. А там, в конце вагона Лихо сидит и Кикимора»

Да, мило. Захотелось выйти в окошко. Сейчас же. Я попятилась назад и наткнулась на кого-то спиной. Обернулась и ... фух, расслабилась.

Позади меня стоит парень. Самый обыкновенный, симпатичный, высокий, волосы светлые, глаза голубые. Статный, сильный...

«Не обольщайся — это вурдалак», — предупредил Черноморд с ехидством.

«Вампир, что ли?» — мысленно переспросила я, невольно заинтересовавшись.

«Он самый. Загрызёт — глазом не моргнёт», — угрюмо подтвердил кот.

«Ох... Это же прямо как Эдвард Каллен или Деймон Сальваторе...» — не удержалась я от восхищённой мысли.

«Как увидеть его сущность, ты и сама знаешь», — с досадой напомнил кот.

«Как?» — насторожилась я.

«Воды на него плесни. «Ты, священная вода, не обманешь никогда. Разливайся, ворожи, не его мне покажи»», — внушил кот с мрачной усмешкой.

«А если цапнет?» — я с опаской покосилась на парня.

«Не цапнет. Нельзя ему. Да и ты невкусная и страшная», — ехидно успокоил Черноморд.

«Блохастая сволочь», — обиделась я.

«Ну что, будешь смотреть на упыря?» — нетерпеливо спросил кот.

«Нет уж. Перехотелось. Ой... А это что за псина?» — я испуганно перевела взгляд к дверям.

У самых дверей сидел огромный серый волк. Самый что ни на есть настоящий.

«Это перевёртыш. Оборотень», — предупредил кот, насторожённо поднимая уши.

Волк оскалился и показал мне клыки в четыре ряда и красный язык. Пасть такая огромная, что, кажется, проглотит, не разжёвывая. Интересно, а в виде Бабы Яги я толстая или худая?

«Толстая. Не проглотит», — с удовольствием заверил он. Пнула кота, он тихо рявкнул, но притих.

«И куда они все собрались?» — с тревогой спросила я.

«Туда, куда и ты», — отозвался он с досадой.

«А... а инвентарь?» — вспомнила я, похолодев.

— Лесовики принесут всё на остановке, — буркнул кот. — Только за доставку вместо тебя двадцать конкурсных баллов снимут.

«Какие баллы?» — я растерянно уставилась на кота.

«Конкурсные, естественно», — раздражённо объяснил он.

«Что значит конкурсные?» — переспросила я с нарастающим беспокойством.

«А то и значит. Чем больше баллов, тем круче курс можно

выбрать. Самые отстойные попадают к Нежити в услужение и пока не отработают, учёбу начать не могут.»

«А вот с этого места поподробнее. И сколько у меня баллов?» — я почувствовала, как к горлу подступает паника.

«Мне почём знать? Ты вела себя, как дура. Пищала. Орала, удрала. И бумаги бросила у Аристотеля вместе с ключами. Лесовик принесёт их с инвентарём — тогда и посмотрим.»

«Ясно», — мрачно подумала я.

Я боязливо попятилась к сидению, упала на него пятой точкой и закрыла глаза.

— Встань с моего платья!

Мерзкий визг заставил тут же распахнуть глаза и встретиться с одним глазом своей соседки по сидению. Когда я села, её и в помине здесь не было.

— Ссорян, — буркнула я, поспешно отодвигаясь.

Подвинулась с застиранной мешковины и снова хотела закрыть глаза.

— Я — Лихо. На самом деле меня Лора зовут, — представилась соседка с насторожённым любопытством.

— Очень приятно, — соврала я, стараясь не таращиться на её глаз.

— Ты как сюда попала? Говорят, уже несколько лет Баба Яга не появлялась в Академии, — спросила Лора с недоброй усмешкой.

— Почему? — Я насторожилась.

— Ну как почему? Сложные заклинания, жуткая внешка, гнилые зубы... — начала она, явно наслаждаясь моим испугом.

Это мне говорит одноглазое чудище с прорезью вместо рта и двумя хвостиками над торчащими ушами.

— Да, шучу я. Курсы сложные, сессии практически несдаваемые, а потом такие задания дают... опасные. Могла б Кикиморой пойти. Их по пять-шесть на курсе обычно. Ходи себе по болотам, по лесам, путников путай и пугай, — рассмеялась она, заметив моё лицо.

— Я не запрашивалась. Меня обманули, — возразила я с горечью.

— Ну как тут обманешь. Договор только добровольно подписывают. Заклинание произнести надо, книгу прочесть. Вот я из семьи потомственных Лиходеев. Еще моя прабабка ворожила и лесные дороги охраняла, плохих людей наказывала. Я гордость семьи, — похвасталась Лора, задирая подбородок.

— А у меня никого нет... из этих, как вас там. Нечистых. Ясно? Я работать пришла. Выступать. Понимаешь? На корпоративах, на вечеринках? Песни петь. А не учиться. Я домой хочу! — выпалила я, уже не сдерживая отчаяния.

— Аааа. Так ты Неко, — в её голосе прозвучало брезгливое разочарование.

— Что значит неко? — уточнила я, напрягшись.

— Не из колдовских. Человечка, — объяснила она с пре-

зрением.

Одноглазая безглаголиво скривила губы и отодвинулась от меня.

«Не обращай внимания. Дура завистливая. Хочешь я ее поцарапаю или помечу? Хотя, она и так тинной воняет».

А чему завидовать? Чему? Ничего не хочу. Домой хочу.

Глава 6

Первая остановка была совершенно нормальная. Двери вагона распахнулись, вошел какой-то карлик с мешком и клеткой в руках. Осмотрел всех присутствующих, потом зыркнул на меня четырьмя глазами из-под седой челки.

— Баба Яга? — Лесовик недовольно сощурился.

Молча кивнула. Он с кряхтением поднёс к моим ногам мешок, из которого торчала палка от метлы, и клетку с мышью.

— Самой забирать надо, а не гонять старых больных лесовиков, — проворчал он, утирая лоб.

— Простите, — пробормотала я, чувствуя себя виноватой.

Он меня не услышал, проковылял обратно к дверям, вывалился мешком наружу и укатился в сторону леса. Злые все какие-то, нервные. Всю остальную дорогу я молчала. Черноморд пытался меня разговорить, но я многозначительно посмотрела сначала на него, потом на окно, и он тихо пристроился у моих ног, а затем уставился на мышью в клетке. Она бегала туда-сюда и явно его нервировала.

— Будешь молчать — подарю. Сожрешь, когда захочешь, — пригрозила я с измученной злостью.

С этого момента я его больше не слышала. Мне даже удалось задремать, увидеть во сне свою квартиру, маму на кух-

не, брата с сестрой, как они бегают по комнатам и дерутся. Мелкие поганцы. Если вернусь все вам прощу и даже любить буду. В горле снова запершило и захотелось реветь.

Трамвай резко остановился, и я уставилась в окно. Ни станции, ни перрона, ничего. Висим, как в воздухе. Под нами облака, как рваная вата. А я высоты боюсь. Двери в тамбур распахнулись, и я увидела птицу с человеческой головой. Сирин, кажется, называется. Высокая, с блестящими красными перьями, грудь выкатила. Лицо немолодой, но красивой женщины и очки на выпуклых глазах, увеличивают их в два раза.

— Уважаемые адепты. Приготовьте документы и карточки. Сейчас проверка будет. Договоры держать в левой руке, карточки в правой. Глаза закрыть.

«Это кто?» — спросила я с опаской.

«Серафима Григорьевна. Преподаёт полёт, приземление, атаку с воздуха и защиту от воздушного колдовства. Заместитель ректора», — торопливо объяснил кот.

«Зачем глаза закрывать?» — я насторожилась.

«На нежить смотреть нельзя», — внушил он с тревогой.

Ну я ведь не любопытная. От слова совсем. Мне ничего не интересно и свой нос не в свои дела я не сую. Почти. Приоткрыв один глаз, смотрю в окно на какую-то черную точку вдалеке. Она стремительно приближается. У меня в одной руке договор, в другой карточка.

А точка похожа на копошащийся ворох черной бумаги, но

чем ближе этот ворох, тем отчетливей я вижу крылья. Это стая летучих мышей.

— Закрыла глаза немедленно!

Рывкнула голова птицы, и я зажмурилась. Стало очень холодно. Примерно, как в морозильнике, если засунуть туда голову и долго искать что бы такого сожрать. Мороженое или фрукты. А еще страшно. Как в детстве, когда кажется, что из-под кровати вылезет чудовище и схватит за ногу.

Я инстинктивно чувствовала, что чудовища где-то рядом и схватят они меня не только за ногу, но за все другие стратегически важные места. Подул холодный ветер, я вцепилась в документы, чтоб не унесло. Не хватало еще все это потерять.

Где-то на стенах, на полу раздается противное царапанье и слышно множественное дыхание, оно зловонное, как пасть старого бабушкиного пса Борьки перед смертью. Когда он лизал меня в нос и жалобно скулил у меня на руках.

Кто-то вскрикнул, и я от неожиданности приоткрыла один глаз. Тут же чуть не заорала, увидев красный зрачок, впившийся в меня и заставивший заledenеть всем телом. Я быстро зажмурилась обратно, но успела рассмотреть черную шерсть, покрывшую человеческий голый череп, острые клыки и открытую бездонную пасть чудовища.

В глазу начало покалывать, как будто в него впились тысячи иголок. Постепенно холод сменяло тепло, раздалось характерное шипение и вагон трамвая сдвинулся с места.

— Оборотень и Баба Яга — минус десять баллов за непо-

слушание! Открывайте глаза!

Ну вот, приехали. Еще десять баллов. Интересно из какого запаса отнимают и сколько у меня осталось.

— Добро пожаловать в Тридевятое государство, шестое измерение, шестого круга Луны. Через три часа трамвай остановится у дуба с золотой цепью. Выходим и не шумим. С котом не говорить и ничем его не кормить.

«Успели», — выдохнул Черноморд у меня в голове. За окнами больше не было ни города, ни предновогодней метели. Мы пересекли границу прежде полуночи; оставшиеся три часа дороги отсчитывали уже местные часы. Я впервые за весь день разжала пальцы на договоре.

— Это она про тебя? — спросила я, ещё дрожа после проверки.

— Неее, про предка моего. А меня можно. Например, вот ею, — облизался и плотоядно посмотрел на мышь. Та истерично пискнула и свалилась замертво. Я испуганно потрясла клеткой.

— Притворяется. Актриса погорелого театра. Давай ее сюда. Она вмиг оживет.

— Облезешь, — буркнула я, отодвигая клетку.

— Ты ж обещала! — возмутился кот.

— Пыф. Ты тоже много чего обещал, — отозвалась я с мстительной усмешкой.

— Я выполнил! — выпалил он с негодованием.

— А я нет. Я перевоспитываюсь. Не хочу быть живодер-

кой. Мышку жалко, — упрямо сказала я, закрывая мышь ладонью.

— Мышку ей жалко. Она, между прочим, последнее звено в пищевой цепочке. А я нет. Я друг человека, — возмутился кот, дёрнув усами.

— Надо тебя в Корею отправить. Там тебе покажут какое ты звено в пищевой цепочке, — сказала я с кривой усмешкой.

— Что это за Корея такая? — он насторожился.

— Там едят и собак, и котов, — припугнула я, понизив голос.

— Это второе название Ада? Нет, в Корею мы не поедem. Так. Дай карту свою. Гляну, сколько баллов осталось, — кот передёрнулся, поспешно меняя тему.

Карту я сунула в карман фартука и доставать боялась. Как табель в школе из рюкзака.

— Показывай, — потребовал он с тревогой.

Снова зажмурилась и протянула карточку Черноморду.

— Тааак. Ну все. Жесть. По нулям, — протянул кот с притворным ужасом.

— Чтооо? Как по нулям? — Я вцепилась в край сиденья.

Черноморд доволен, еще немного и рот до ушей разлезется, как у чеширского кота.

— Лгун мерзкий! — выдохнула я, заметив его довольную морду.

— Ты не обольщайся. Там не так все и хорошо. Семьдесят

баллов из ста. И это мы еще не доехали. Если ниже шестидесяти будет, пойдёшь к нежити на отработку. Ужас какой. А я с тобой! Чтоб больше не дышала, не сопела, не чихала, пока я не разрешил, — распорядился кот, уже не притворяясь встревоженным.

Трамвай остановился в лесной чаще напротив огромного черного дуба с раскидистыми ветвями, похожими на щупальца осьминога. Вокруг ствола сверкает кольцами массивная золотая цепь.

— Итак, мы на месте.

От неожиданности я ойкнула. Вместо птицы с человеческой головой перед нами стояла женщина с красными волосами, в строгом черном платье с большими круглыми очками, из-за которых ее глаза напоминали совиные. К слову, лицо ее не изменилось.

Я оглянулась по сторонам и замерла. Нечисть исчезла и теперь меня окружали люди. Ну если вот этих вот можно так назвать. Мы смотрели друг на друга, пытаясь узнать в человеческом облике ху из ху. Лихо я сразу узнала. Ее два хвоста серого цвета и худое лицо с острым подбородком и огромными глазами не оставляли простора для воображения. Среди нас появилась лишняя особь мужского пола. Упырь не изменился. Зато кто из этих двоих Леший, а кто Оборотень сразу не понять. Один светловолосый, другой темненький. Оба симпатичные, примерно моего возраста.

— Мы ждем еще один трамвай. Пока что вы можете

осмотреться, но далеко от дуба не уходить.

— Эй, Рыжая, ты кто? Баба Яга или Кикимора? — окликнула меня Лора с насмешкой.

— Баба Яга! — огрызнулась я.

Лихо опять скривилась и пошла в сторону молчаливой, носатой девчонки, низенького роста, которая крутила в руках какую-то травинку. Ясно. Против меня дружить будут.

— Привет, — сказал парень с дружелюбной улыбкой.

Напротив меня стоял темноволосый парень с легкой щетиной на скулах, симпатичный, как... мммм, как Эдвард Каллен. (Да, я пересмотрела сумерки двести тысяч раз).

— Я Леша. А тебя как зовут? — он чуть смутился под моим взглядом.

— Баба яга, — огрызнулась я и поправила выбившиеся из косы волосы.

— Нет, по-настоящему, в мире людей, — уточнил он терпеливо.

— Любава зовут, — ответила я, нехотя смягчившись.

— Хм... обычно детей называют созвучно сущности. Ядвига, Ярослава, Ярина, — удивился он.

— У меня обычная сущность. Человеческая. И меня зовут Люба, — я произнесла это с упрямым вызовом.

Я думала, он сейчас тоже скривится, но парень даже внимания не обратил.

— Тогда как ты здесь оказалась? — спросил он, искренне озадачившись.

— Не знаю и быть здесь не хочу. Сделаю всё, что нужно и домой поеду, — ответила я, проглатывая обиду.

Пока говорили, мы обошли дуб, двигаясь вдоль цепи, пока не наткнулись на огромного спящего кота. Бред какой-то. Я попала в мозг какого-то маразматичного режиссера типа Дэвида Линча.

Кот был похож на огромного мейн-куна-переростка. Весь черный как Черноморд. На ушах кисточки и от его храпа дуб потряхивает.

— это кот Баюн. — серьезно сказал Леша.

— Угу. А говорящая голова будет? — спросила я с нервной усмешкой.

— Какая? — Лёша растерянно нахмурился.

— Никакая. Эй, Кошара! — отмахнулась я и с вызовом повысила голос.

Пнула ствол ногой.

— Просыпайся. Расскажи нам сказку, — крикнула я, пытаясь перебить собственный страх.

Лицо Леши округлилось, и он побледнел.

— Она ж сказала кота не трогать. Не говорить, не кормить. Пошли отсюда! — испуганно прошептал Лёша.

Я истерически усмехнулась и дернула цепь.

— Кошарааа! Подъем! У тебя гости!

«Ты что твормяуууу? Давай бегмяуууу!» — завопил Черноморд у меня в голове. Когда Черноморд нервничал, он начинал забывать человеческую речь. Дуб дернулся, я отпрыг-

нула назад и увидела, как распахнулись глаза огромного кота. Словно два золотых блюда, а зрачки то расширяются, то сужаются.

Встал на мощные лапы, потряхнул шерстью.

А в ушах уже раздаётся шелестящий, певучий голос.

У лукоморья дуб зелёный;

Златая цепь на дубе том:

И днём и ночью кот учёный

Всё ходит по цепи кругом;

Идёт направо — песнь заводит,

Налево — сказку говорит.

Там чудеса: там леший бродит,

Русалка на ветвях сидит;

«Скажи «налево»! Сейчас же, или умрёшь!» — взвыл

Черноморд у меня в голове.

— Налево, — едва шевеля губами, прошептала я и поняла, что плакали мои баллы крокодиловыми слезами.

Кот Баюн замер. Его глаза, сверкающие, как два золотых солнца, сузились в тонкие щёлочки. А потом он шагнул вперёд. Мягко. Почти бесшумно. Его лапы едва касались земли, но каждый шаг будто отзывался гулом у меня в голове. Зря я выбрала налево...

Леша вцепился в мою руку, его пальцы стали ледяными.

— Ты что натворила?

— Да я только... — начала было я, но осеклась, когда кот вдруг вскинул голову и издал звук, похожий на раскат грома,

замешанный с кошачьим рычанием.

Дуб дрогнул, его ветви зашевелились, словно щупальца гигантского осьминога. Земля под ногами тоже начала вибрировать, а золотая цепь на стволе натянулась и звякнула, как будто её кто-то пытался сорвать.

— Бежим! — шепнул Леша.

Черноморд завопил истерично:

— Это концамяуууу! Мяу-мяу-мяу! Всё, проклятая баба, я ухожу в отставку!

Но у меня не было шансов даже сдвинуться с места. Баюн прыгнул. Его огромное тело, обрамлённое черной пушистой шерстью, взлетело в воздухе, и на мгновение он завис надо мной, словно хищник, собирающийся разорвать добычу. Когти растопырены, шерсть дыбом. Он издавал жуткий рык, похожий на перемешанный гул грозы и скрежет когтей по металлу. Я зажмурилась, готовая встретить свою смерть в объятиях гигантского кота.

Но вдруг я услышала резкий щелчок пальцев и гулкий, как удар колокола, звук. Баюн, словно натываясь на невидимую стену, отлетел назад и грохнулся оземь.

Тишина. Даже листья перестали шевелиться. Я осторожно открыла глаза. Передо мной стояли чёрные сапоги с серебряной отделкой. Медленно подняв взгляд, я увидела плащ, который сверкал едва уловимыми узорами, словно звёздная карта.

Он стоял так, будто это место принадлежало только ему.

Будто он сам был центром этого проклятого леса. Я машинально шагнула назад, но тут же наткнулась на Черноморда, который шипел и тряся у моих ног.

— Ну что, кто у нас тут нарушает правила? — Его голос был мягким, но в нём чувствовалась сталь. Медленно, как хищник, он склонил голову набок, изучая меня. — Хм... любопытно.

Я сглотнула.

Чёрные волосы волной спадали на широкие плечи. Светло-серые глаза — такие холодные и глубокие, что я на секунду потерялась в них. Это было лицо властного мужчины, красивого до пугающей, почти потусторонней степени. Сильная челюсть, безупречная борода и губы, которые кривились в ленивой усмешке. Он был не просто привлекателен. Он был совершенен, как статуя древнего царя. Но слишком живой и слишком опасный, чтобы быть просто картинкой.

И он смотрел прямо на меня.

Я заставила себя отвести взгляд от его губ.

— Кто вы? — мой голос дрогнул, но я постаралась выпрямиться и сохранить хотя бы тень уверенности.

Он склонил голову набок, будто изучал меня с насмешкой.

— Константин Первый, Великий Царь Заболотья, Тьмы и Потустороннего мира, — его голос был насыщен льдом, а от каждого слова мне хотелось либо упасть в обморок, либо убежать. — Но ты можешь называть меня Константином

Бессмертным.

Название неприятно кольнуло память. Это должно было прозвучать пафосно, но почему-то мне показалось, что он действительно мог быть кем угодно: царём, некромантом, проклятием.

— Бессердечный? — переспросила я, ещё не осознавая всей глубины проблемы. — А фамилия у вас есть? Или просто набор устрашающих титулов?

Его губы едва дрогнули в усмешке.

— Остриё языка не поможет, если у тебя нет ничего в голове, — тихо сказал он и шагнул ближе, нависая надо мной. — Баба Яга, которая в свой первый день потеряла тридцать баллов и разбудила Баюна. Впечатляюще.

Я резко подняла подбородок, чтобы не смотреть на его сапоги.

— Случайность, — выпалила я.

Он склонился чуть ниже, так близко, что я почувствовала лёгкий холодок от его дыхания на своей коже.

— Случайностей не бывает, — шепнул он, его голос обволакивал, словно зимний ветер пробрался под кожу. — Особенно в Заболотье. Здесь за всё платят. Вопрос лишь в том, чем.

Его слова шибанули мне под дых... я так еле дышу, как Бэлла Свон. Забыла, как дышать. Я попыталась сделать шаг назад, но наткнулась на Черноморда, который тихо шипел у моих ног.

— Зачем вы здесь? — спросила я, стараясь сделать голос твёрже.

Он выпрямился, но его взгляд по-прежнему был прикован ко мне, словно он разгадывал секрет, о котором я сама не знала.

— Во-первых, моих учеников раздирать на куски могу только я, — отрезал он. — Во-вторых, я ректор Академии. За Баюна баллы пока снимать не стану. Вместо этого ты поступишь на мой курс некромантии. И каждый пропущенный приказ будешь отрабатывать лично.

Мои глаза расширились. Ах ты ж Ешкин кот. Реально? Я только что выиграла «Черную метку». Ну, чтоб Любава не увязла по самые не хочу. Так ведь не бывает.

— У вас? — уточнила я, похолодев.

— Да, — он склонился к моему уху, его голос стал шепотом, но от этого он звучал ещё более угрожающе. — Я люблю неудачников. Они доставляют больше удовольствия, когда из них вытягиваешь хоть каплю успеха. Надеюсь, ты меня не разочаруешь.

Моё сердце бешено заколотилось.

— Я не неудачница, — прошипела я, изо всех сил пытаюсь звучать уверенно.

Он отстранился, его губы изогнулись в холодной, довольной улыбке.

— О нет, ты не просто неудачница. Ты идеальный пример того, как НЕ НАДО делать. И знаешь что? — Его взгляд

вдруг стал мягче, но это было хуже, чем его насмешки. — Я даже начну получать удовольствие, выставя тебя в пример своим ученикам.

Моё лицо вспыхнуло от злости и смущения. Я уже готова была бросить в него что-нибудь острое, если бы оно оказалось под рукой.

— Мне не нужно было ваше спасение! — выпалила я от злости и унижения.

Он медленно окинул меня взглядом, словно подбирал слова, которые могут раздавить меня без шума.

— Нет, нужно. Но ты это поймёшь позже. А пока не разочаруй меня ещё больше, — отрезал он с раздражением.

Он развернулся и пошёл прочь, его чёрный плащ мягко скользил по земле, как шлейф королевской мантии. Он даже не оглянулся.

— Это был... — начала я, всё ещё пытаюсь осознать его слова.

Глава 7

Черноморд тихо пискнул:

— Тот самый. Кощей. Бессмертный.

Я почувствовала, как холод охватил меня.

— Это он? Но он... он же должен быть костлявым стариком!

Кот зарычал.

— Глупая ты! Кощей — это не скелет из сказки! Он просто... дико опасен. В каждой черте. И если он сказал, что ты кандидат к некромантам, поверь, это не комплимент.

Я сжала кулаки.

— Отлично. Просто прекрасно. Я только начала, а уже подписалась на обучение у...

— У того, кто будет следить за каждым твоим шагом, — пробурчал кот. — Скучно не будет, это точно. Ни тебе, ни мнеяюуууу

Но даже после его слов я всё ещё чувствовала голос Кощейя у своего уха и холод его дыхания на коже.

Я попала. По-крупному.

Меня трясло. Не от холода, а от осознания того, что мой преподаватель некромантии — красивый, жёсткий и, по слухам, бессердечный царь Тьмы. И что он уже меня ненавидит. Или обожает издеваться. Сложно понять.

— Давай, Любава, двигай ногами, — буркнул Черноморд,

перепрыгивая с одного камня на другой. — В общежитие тебя отвезут на казённое место. Всё, как ты хотела. Дёшево и сердито.

— Спасибо за напоминание, шерстяная жаба, — пробурчала я.

Мы шли по извилистой дорожке через лес, пока наконец не вышли к огромному деревянному терему, подсвеченному мягким светом фонарей. Сказать, что он был красивым — это ничего не сказать. У меня челюсть чуть не отвисла.

Терем выглядел так, будто его строил бригадир из сказки, а декор утверждала какая-то царица или барыня. Высокие башенки с резными крышами, окна с узорчатыми наличниками, кружевные деревянные перила. На стенах то ли вензеля, то ли старославянские узоры, которые мигали золотым светом. У крыльца стояла кованая скамейка — да так искусно сделанная, что я бы с удовольствием сфоткалась на ней для инсты, если бы у меня остался телефон.

— Ого, — прошептала я. — Это что за пятизвёздочный дворец?

— Терем общежития для девушек, — мрачно пояснил Черноморд. — Ты в корпусе для некромантов.

— Прекрасно, — я всё ещё не могла перестать восхищаться видом. — А интернет здесь ловит? Вай-фай есть?

— Какая сеть, дурёха, — хмыкнул кот. — Здесь магический поток. Если сосредоточишься, найдёшь нужные книги или проклятия быстрее, чем в поисковике.

Мы поднялись по деревянной лестнице, и моё восхищение достигло пика. Всё было идеально — полы из лакированного дуба, стены с вырезанными цветами и символами, даже люстры из горного хрусталя.

Но за этим великолепием таилось что-то странное. У меня было ощущение, что стены дышат. Словно терем сам наблюдает за мной.

— Великолепно, — прошептала я, проведя пальцем по резным перилам. — Если это тюрьма, то, по крайней мере, с дизайнерским ремонтом.

Черноморд фыркнул:

— Подожди, пока познакомишься с соседками. Ты ещё скажешь, что это ад с позолотой.

Я напряглась. Соседки? Прекрасно. Только этого мне не хватало. Надеюсь, они хотя бы без бородавок и когтей.

Дверь в мою комнату открылась с характерным скрипом. Я сделала шаг внутрь и застыла на месте.

Комната была большой, почти как гостиная в загородном особняке. Кровати с балдахинами, отделанными парчой, мебель из натурального дерева с золотыми узорами, зеркало высотой в полный рост и окно, через которое был виден лес, укутанный вечерним туманом.

— Это нереально. Я в каком-то фильме, — прошептала я.

— Ага, фильме ужасов, — отозвался кот и сиганул на одну из кроватей. — Это твоё место. Привыкай.

Я была готова сесть и погрузиться в свои мысли, но не

успела. Одна из дверей в комнату распахнулась, и на пороге появилась она. Лихо. Серая, длиннорукая и худющая, но теперь в человеческом облике — миниатюрная девчонка с острыми чертами лица и двумя хвостиками, завязанными на макушке. Я все равно ее узнала.

— О, новенькая, — протянула она, оглядывая меня, как будто я была подозрительной вещью на распродаже. — Не верю, что тебя поселили с нами. Некромантка? Серьёзно?

— Да, серьёзно, — огрызнулась я, хотя голос немного дрогнул. — только мы с тобой знакомы.

— Помню, — отозвалась Лора с недоброй улыбкой. — Только знакомство в трамвае ещё не делает нас подругами. Тоже мне рыбка Дори.

— Посмотрим, сколько ты продержишься, — прошипела Лихо и скрылась в коридоре.

Лора успела предупредить: лёгкой жизни она мне не даст. Что ж, это мы ещё посмотрим.

Я только собралась с мыслями, когда за её спиной в комнату вошла вторая. Явно ведьма. Волосы длинные черные, глазастая, смуглая, в пестрых одеждах, вся в украшениях и монетках. Цыганка. Она посмотрела на меня, коротко представилась: «Зара», — и, сев на кровать, принялась жевать какую-то травинку.

Отлично. Просто прекрасно. У меня соседки — ходячие сказочные кошмары.

— Счастливого проживания, — сказал Черноморд с ви-

дом эксперта. — Добро пожаловать в терем ужасов. Надеюсь, тебе не попадётся мёртвая мышь в подушке.

Я глубоко вздохнула, села на кровать и уставилась в потолок.

— Это всего лишь временно, — сказала я себе. — Я это переживу. Главное — держаться подальше от некроманта, который любит неудачников.

Но даже здесь, в этом роскошном тереме, я всё ещё чувствовала его взгляд, будто он оставил на мне метку, от которой не избавиться.

В этом месте только присесть на кровать — и сразу чувствуешь себя царевной, которая ждет принца.

Проблема в том, что у этой царевны уже были спутницы — Зара и Лихо.

Зара сидела прямо на полу, окруженная свечами, ее длинные черные волосы волнами спадали на плечи, а в руках мелькали карты с мистическими изображениями. Красное платье, золотые браслеты, украшенные звенящими монетами серьги — она выглядела так, будто случайно забыла выйти с бала у какого-нибудь восточного султана.

— Ты кто? — лениво спросила она, даже не поднимая на меня взгляд. Ее пальцы ловко тасовали карты, которые, казалось, мерцали в полутьме.

— Я Любава. Новенькая, — сказала я как можно тверже, хотя ноги слегка подкашивались от усталости.

Зара приподняла одну из черных бровей и, наконец, удо-

стоила меня вниманием. Ее взгляд прошелся по мне с ног до головы так, будто она оценивала товар на рынке.

— Баба Яга? — хмыкнула она, с улыбкой, от которой мне захотелось слегка поежиться. — Ну-ну. Интересно.

— Очень интересно, — подала голос вернувшаяся Лора, и я повернулась, чтобы увидеть Лихо.

Главный источник дискомфорта сидел на кровати напротив, с невинным видом поправляя свои аккуратные серые косячки.

Лихо.

На вид — просто милое дитя. Тонкая фигурка, большие глаза с длинными ресницами и платьице с вышивкой, словно с картины про идеальных детей. Я чуть не растаяла от ее вида. Как это она успела измениться?

— Ой, какая хорошенькая, — пробормотала я вслух, пока она невинно улыбалась, свесив ножки с кровати.

И тут я услышала тихий смешок Зары. Она подняла голову от карт, поправляя серьгу на ухе, и бросила на меня взгляд, полный сочувствия.

— Любава, дорогая, не обольщайся, — предупредила она, слегка прищутив глаза. — Это Лихо. Когда она добрая — это плохой знак. Когда милая — катастрофа.

Лихо закатила глаза, но продолжила играть роль ангелочка.

— И не слушай ее. Я вовсе не такая ужасная, — пропела она тонким голоском и сложила руки на коленях. — Просто

девочка, которая хочет дружить.

Я улыбнулась ей в ответ, чувствуя, что где-то есть подвох, но пока не понимала, где именно.

— Правда? — Я осторожно подошла к кровати и присела на край. — Ты же Лора. Почему так упорно называешь себя Лихом?

Она рассмеялась — мелодично, словно хрустальные колокольчики.

— Ой, это просто сказки, не бери в голову.

Черноморд, дремавший у моих ног, вдруг приподнялся, распушил хвост и прошипел:

— Она врет.

— Кот, заткнись, — пробурчала я, пытаюсь сохранить хоть каплю спокойствия.

Зара, сложив руки на груди, хмыкнула.

— Лора успела заглянуть к Руслане, — объяснила Зара, не скрывая усмешки. — Та занимается личинами. Человеческий облик здесь есть у всех, но невинные глазки и кукольное личико — её работа. Ненадолго, между прочим.

— Ты хочешь сказать, что это временно? — Я напряглась, слегка отодвигаясь.

Лихо снова мило улыбнулась, поправив ленточку в косе.

— Ой, как ты серьезно все воспринимаешь. Может, я даже останусь такой навсегда.

— А может, и нет, — добавила Зара, не отрывая взгляда от карт в своих руках. — Так что наслаждайся, пока она ми-

лая. Истинный облик ты ещё не раз увидишь.

Я нервно сглотнула и попыталась придумать, что сказать, но в голове крутилась только одна мысль: Господи, я застряла в одном доме с демоном в косичках.

Черноморд потянулся и уселся прямо между мной и Лихо, нагло раздвинув лапы.

— Не бойся, Яга. Я тебя спасу. Главное, чтобы она не пыталась в следующую ночь превратить нас в камень.

Лихо фыркнула.

— Камень? Это скучно. У меня в планах что-то поинтереснее.

Я встала и нервно обняла себя руками.

— Все ясно. Где тут ближайший выход в нормальный мир?

Зара захлопнула свою колоду карт и подошла ко мне.

— Никаких выходов, дорогая. Добро пожаловать в жизнь с Лихо. Тут либо приспосабливаешься, либо тебя съедают на завтрак.

Лихо улыбнулась еще шире.

— А я люблю завтракать новенькими.

Я снова села на кровать и закрыла лицо руками.

Что ж, начало моей магической карьеры идет просто блестяще.

— Где твоя метла, Любочка? Забыла ее в трамвае?

— В мешке, — ответила я, устало кивнув на свои вещи. — Проверять не надо. Я и сама ещё не решила, с какого конца

за неё братья.

Ее улыбка стала еще шире. В ее глазах заплясал настоящий азарт.

— Какая колкая, — протянула она с удовольствием. — С тобой будет весело. Но ты недолго продержишься.

— Это мы еще посмотрим, — я с вызовом бросила сумку на кровать и подняла подбородок.

— Ой, девочки, тише, — вмешалась Зара, откладывая карты. Ее длинная юбка волочилась за ней по паркету, словно шлейф королевы. — Любава у нас явно под защитой судьбы. Или под ее проклятием. Давай посмотрим, что говорят карты.

Она уселась на кровать рядом со мной и развернула перед собой колоду. Я хотела сказать что-то вроде: «Спасибо, мне не нужно твое гадание, у меня и так жизнь та еще рулетка», но ее пальцы уже раскладывали карты. Одна за другой. Каждая из них была нарисована с пугающей детализацией: символы Луны, старинные ключи, разбитые зеркала. От одной только атмосферы я бы сбежала, но ноги будто приросли к полу.

— Что там? — спросила Лихо, с любопытством свесив голову с кровати. — Ей конец через три дня? Или уже завтра?

Зара приложила палец к губам, заставляя ее замолчать, и вытащила последнюю карту. На ней был изображен мужчина с черными волосами, окруженный змеями, с ледяным взглядом, пронзающим душу. Сердце екнуло. Неужели мне про-

сто мерещится, или этот рисунок чем-то напоминает Константина?

— Судьбоносная встреча, — протянула Зара, не отрываясь от карты. Ее голос был странно мягким, и на мгновение я даже забыла, как дышать.

— С кем? — выпалила я.

Глава 8

Зара медленно подняла голову и улыбнулась. Эта улыбка мне не понравилась. Она была слишком спокойной и слишком знающей.

— С тем, кто либо вознесет тебя на вершину, либо погубит. Третьего не дано.

— Это что, пророчество или угроза? — нервно хихикнула я, пытаюсь скрыть дрожь в голосе.

— А вот это, дорогуша, зависит только от тебя, — подмигнула Зара и собрала карты обратно в колоду.

Лихо фыркнула.

— Ставлю на то, что погубит.

— Посмотрим, — выдавила я, хотя в груди уже сжался ком тревоги. Почему-то мне казалось, что это гадание было не просто дежурным ритуалом. И что оно станет ключом ко всему, что ждет меня впереди.

Черноморд поднял голову с подушки, лениво зевнул и тихо пробурчал:

— Если этот красавчик из пророчества тот самый некромант, то готовься, Яга, у нас будут проблемы.

Проблемы? Нет, у нас уже катастрофа.

Карты были убраны, но их призрачный шепот все еще витал в воздухе. Я попыталась сделать вид, что мне все равно, но на деле хотелось схватить Зару за руку и потребовать объ-

яснений. Ну или сбежать. Второе было намного проще.

— Тебе показалось, — буркнула я себе под нос и легла на кровать, пытаюсь сосредоточиться на узорах на потолке. — Просто обычные карты. Как у гадалки на рынке.

Но проклятая голова отказалась заткнуться, продолжая перебирать образы, словно пленку со старыми фильмами. Мужчина с ледяными глазами и змеиным окружением... Если это про Константина, то я официально заявляю, что хочу возврат на старую версию своей скучной, но не смертельно опасной жизни.

— Эй, Яга! — голос миленькой Лихо выдернул меня из размышлений. — Ты что, уже собираешься сопли на подушку пускать? Мы еще не закончили.

Я села на кровати и смирila ее взглядом.

— Лихо, если ты хочешь еще больше испортить мне жизнь, давай хотя бы договоримся: ты портишь ее только в четные дни. В нечетные я буду портить ее тебе.

Она захохотала, так громко и заразительно, что даже Зара подняла глаза от своей колоды.

— Ты мне нравишься, — наконец сказала Лихо, стирая слезы с уголков глаз. — Будешь моим любимым развлечением.

— О, какая честь, — саркастично отозвалась я. — Можно мне в дипломе это указать?

— Точно можно, — подхватила Зара, хлопнув в ладоши и облокотившись на свою кровать. — Напишем: «Лучшая из

выживших в комнате с Лихо».

Черноморд фыркнул и лениво потянулся на подушке.

— В этой комнате все выживают только потому, что их не сразу едят. Ну, почти все. — Он посмотрел на меня, подмигнув желтыми глазами. — Ты держись.

Я вздохнула, понимая, что в этой компании мои шансы на нормальное существование стремятся к нулю.

Зара снова потянулась к картам, но на этот раз не для гадания. Она аккуратно перебирала их пальцами, как будто каждая карта была живой.

— И все же, — сказала она задумчиво, не глядя на меня, — у тебя что-то необычное. Судьба, которую я не могу прочитать до конца. Либо ты врешь сама себе, либо мир еще не решил, что с тобой делать.

— Мир может взять паузу, — буркнула я. — Мне тоже неплохо бы передохнуть.

— Ты не та, кто может позволить себе паузы, — ответила Зара с улыбкой. — Скоро увидишь.

Мое сердце сжалось от ее слов, словно кто-то невидимый тянул за ниточки судьбы и приговаривал: «Не расслабляйся, детка, самое интересное впереди».

Лихо спрыгнула с кровати и направилась к двери.

— Ладно, Яга, ты живи пока. Но не забывай: чем дольше ты здесь, тем больше шансов, что ты сама себя закопаешь.

Она исчезла за дверью, оставив после себя тонкий запах лаванды и озорства. Я прижала ладони к лицу, желая про-

валиться сквозь землю или хотя бы перенестись в прошлую неделю, когда единственной моей проблемой был выбор, какой парик надеть на работу.

— Она всегда такая? — спросила я у Зары, когда Лихо ушла.

Цыганка усмехнулась и положила карты на тумбочку.

— Лихо просто любит показывать зубы. Но, если быть честной, у нее хороший нюх на проблемы. Она видит их за километр. И ты пахнешь ими с головы до пят.

— Спасибо, — вздохнула я и упала обратно на кровать. — Еще немного похвалы, и я добровольно запрыгну в ступу и улечу в чертов лес.

Зара засмеялась мягким, мелодичным смехом, но ее взгляд снова стал серьезным.

— Здесь за новичками всегда наблюдают, — сказала Зара, наконец перестав улыбаться. — Не отвечай на каждую подначку. Им только и нужно, чтобы ты потеряла контроль.

Я закатила глаза.

— Поздновато предупреждаешь, — проворчала я и потёрла горящие щёки.

— До следующей подначки ещё успеешь выдохнуть, — ответила Зара с невесёлой улыбкой.

На этом она встала, поправила свое длинное платье и, подмигнув мне, ушла в соседнюю комнату. Оставив меня одну.

— Отлично, — пробормотала я в пустоту. — Только что мне выдали комнату с набором гадалок, монстров и филосо-

фов. Вижу, скучать я здесь точно не буду.

Я еще не успела осознать все чудеса терема и его проклятых предсказаний, как дверь снова открылась с характерным скрипом. На пороге появилась Лихо, она вернулась с надменной ухмылкой и свежим желанием поиздеваться надо мной.

— Эй, Яга, — начала она с той самой издевательской ноткой, от которой хотелось швырнуть в нее подушкой. — Ты уверена, что твое место в этой Академии? Мы тут серьезную магию учим, а не на метлах катаемся.

Я сглотнула. Спокойствие, Любава. Спокойствие.

— У меня все отлично, спасибо за заботу, — буркнула я, надеясь, что это закроет тему.

Но Лихо уже вошла в кураж. Она села на край моей кровати, скрестив ноги, и наклонилась ближе, будто собиралась выдать секрет.

— Ты знаешь, что несколько лет назад одну Бабу Ягу чуть не разорвали на экзамене? Говорят, у нее даже кота съели. Питомцев тут любят на завтрак.

— Лихо, заткнись, — прошипела я, но она только сильнее захихикала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.